
МУРЗИЛКА
ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ
ЯНВАРЬ 1937
№ 1
XX 63/11
1-12.
Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина

МУРЗИЛКА

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

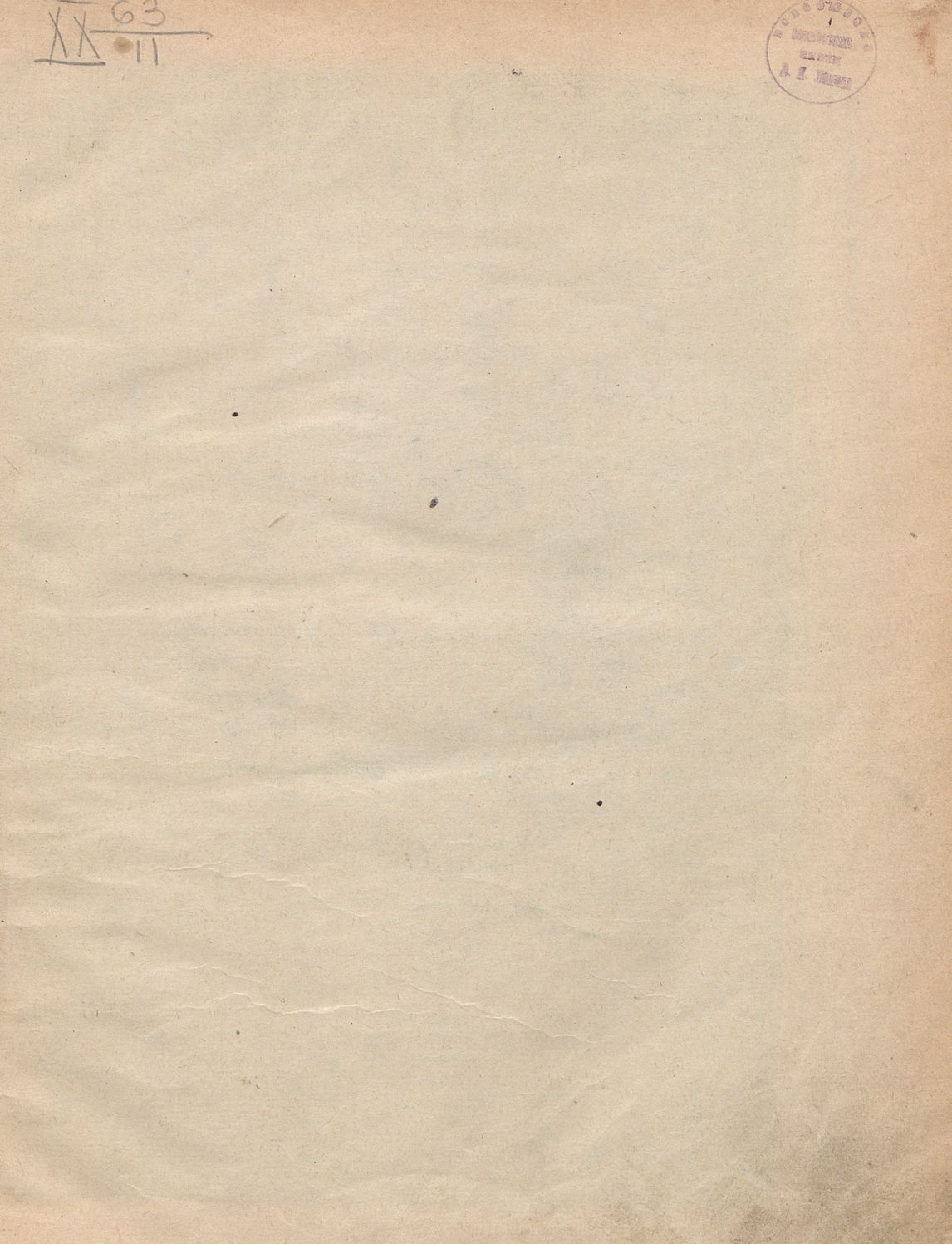
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ
МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗ

ЯНВАРЬ 1937

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЦК ВЛКСМ. Адрес: Москва, М. Черкасский, 1 Те

СОДЕРЖАНИЕ

Иосиф Виссарионович Сталин делает доклад о Конституции — основном законе СССР — на Чрезвычайном VIII Съезде Советов ССР.

ГОЛУБОЙ КОВЕР

Таджикская легенда

Пересказала Анна Гольдберг

Худ. Р. Барто

Жил в прежнее время в одном кишлаке дехканин по имени Рахим. Был он очень беден — не имел ни земли, ни воды. Только и было у него что ветхий саманный домик да тканый голубой ковер. Работал Рахим у бая, взрыхлял кетменем землю, сеял пшеницу и получал за это в день три лепешки и кувшин холодной воды. Так кормились они с женой и дочкой. Жили хотя и бедно, но в мире и согласии. По вечерам они сидели на пороге дома и любовались своим голубым ковром. Такого ковра не было во всем кишлаке. Вытканы были на нем голубые города, зеленые сады, бирюзовое небо и синие звезды. Достался этот ковер Рахиму от матери, а она получила его от своей матери, а та — от своей. Говорили об этом ковре, что выткала его пра-пра-прабабка Рахима и ткала его с молодых лет до самой смерти.

Умирая, она сказала:

— Берегите, дети, этот ковер. В чьем доме он будет висеть, тому принесет он мир и счастье.

И Рахим любил, хранил и берег свой голубой ковер.

Но однажды бай, узнав о ковре, позвал Рахима к себе.

— Отдай мне твой ковер, — сказал он.

Рахим подумал и ответил:

— Как же я могу отдать свое счастье? И зачем тебе оно? У тебя все есть — и земля твоя, и вода твоя, и бараны твои. А у меня только один ковер. Нет, не отдам я тебе ковра.

Бай рассердился и прогнал Рахима со двора.

С тех пор Рахим стал с каждым днем приносить домой все меньше хлеба и воды. Голодно стало в доме Рахима.

Тогда жена Рахима взяла кетмень и пошла вместе с мужем на байское поле. Работали они с утра до ночи, но хлеба получали за это еще меньше.

Тогда взяла кетмень и маленькая дочка Рахима. Втроем они делали всю тяжелую работу у бая, но он только кричал на них и кормил объедками, которые оставались от псов.

Только и радости было у них, что голубой ковер.

Однажды, когда есть было нечего, задумался Рахим. Думал он, думал, и назавтра пошел в поле.

— Слушай, поле, — сказал он. — Это я, Рахим. Ты меня давно знаешь. Давно и я тебя знаю. Каждый год я взрыхляю тебя кетменем. Прошу тебя, дай мне немного земли.

Но поле вздохнуло и сказало:

— Я бы и радо услужить тебе, но бай, господин мой, узнает и рассердится на меня. Уходи лучше отсюда скорей!

Но Рахим не послушал. Он насыпал два мешка земли и отнес их к своему дому. Там он высыпал землю у порога и пошел к пшенице.

— Слушай, пшеница, — сказал он, — ты меня знаешь давно, и я тебя знаю давно. Это я, Рахим, что засеял тебя весной. Дай мне немного зерна. Я хочу засеять свое маленькое поле.

Но пшеница испуганно замахала колосьями и зашептала:

— Тише, тише! Может услышать господин наш. Уходи лучше поскорей отсюда!

Но Рахим не послушал. Он вырвал два пучка колосьев и пошел домой.

Он посеял пшеницу у порога и ночью пошел к арыку.

— Слушай, арык, — сказал Рахим, — ты меня знаешь давно, и я тебя знаю давно. Это я ношу твою воду в байский дом. Дай мне немного воды полить мое маленькое поле.

Но арык громко зажурчал:

— По закону моя вода принадлежит баю. Уходи лучше, а то тебя увидит господин мой!

Но Рахим не послушал, наполнил водой два кувшина и понес домой. Он полил свой посев водой и стал ждать урожая.

Не прошло и двух лун, как у порога дома Рахима выросла густая пшеница. Рахим собрал зерна, смолол их, и его жена напекла лепешек.

В это время бай решил обойти свои владения.

Выйдя в поле, он увидал небольшую ямку. Бай рассердился и закричал на все поле:

— Куда девалась земля из этой ямы?

Поле испугалось и сказало:

— Это не я... Это Рахим пришел и силой забрал немного земли.

Бай пошел дальше и увидел, что не хватает колосьев в его пшенице, а в арыке стало меньше воды.

Тогда бай, полный злобы, пошел к дому Рахима. А там только что спеклись лепешки и сладко пахло свежим хлебом.

Бай закричал еще с порога:

— Ты украл мою воду, пшеницу и землю! Вот я посажу тебя в тюрьму! Ты ел хлеб из моей пшеницы! Я возьму у тебя твой ковер. И я поступлю с тобой по закону.

Он снял ковер со стены и унес, а его слуги схватили Рахима и посадили в тюрьму.

Рахим и сам не знал, сколько времени просидел он в тюрьме. Глаза его отвыкли видеть, ноги отвыкли ходить.

Наконец, двери тюрьмы раскрылись, и он вышел на улицу. С трудом он дошел до своего дома и остановился, не веря глазам: кругом валялись только куски саманного кирпича.

Пошел Рахим к соседям, и соседи сказали ему, что жена его умерла с горя и дочка ушла неизвестно куда, а дом опустел и разрушился от времени.

С сердцем, полным гнева, пошел Рахим к баю и увидел на стене у бая свой голубой ковер. В доме бая слышались песни, там было веселье и счастье.

Еще больше разгневался Рахим и крикнул на весь кишлак:

— Нет правды на земле! Пока живы хоть два человека, один будет хозяин, другой — слуга, один будет счастлив, другой — несчастлив.

И решил Рахим уйти навсегда в горы, чтобы никогда больше не видеть ни одного человека.

Он прошел всю страну, пересек пески пустыни и поднялся в горы. Там он нашел пещеру, со всех сторон окруженную скалами. Оттуда было видно только небо и свободный полет птиц.

Он остался жить в горах. К нему приходили дикие козы и давали ему молоко, пчелы приносили мед в его пещеру, а горный орел делился с ним добычей.

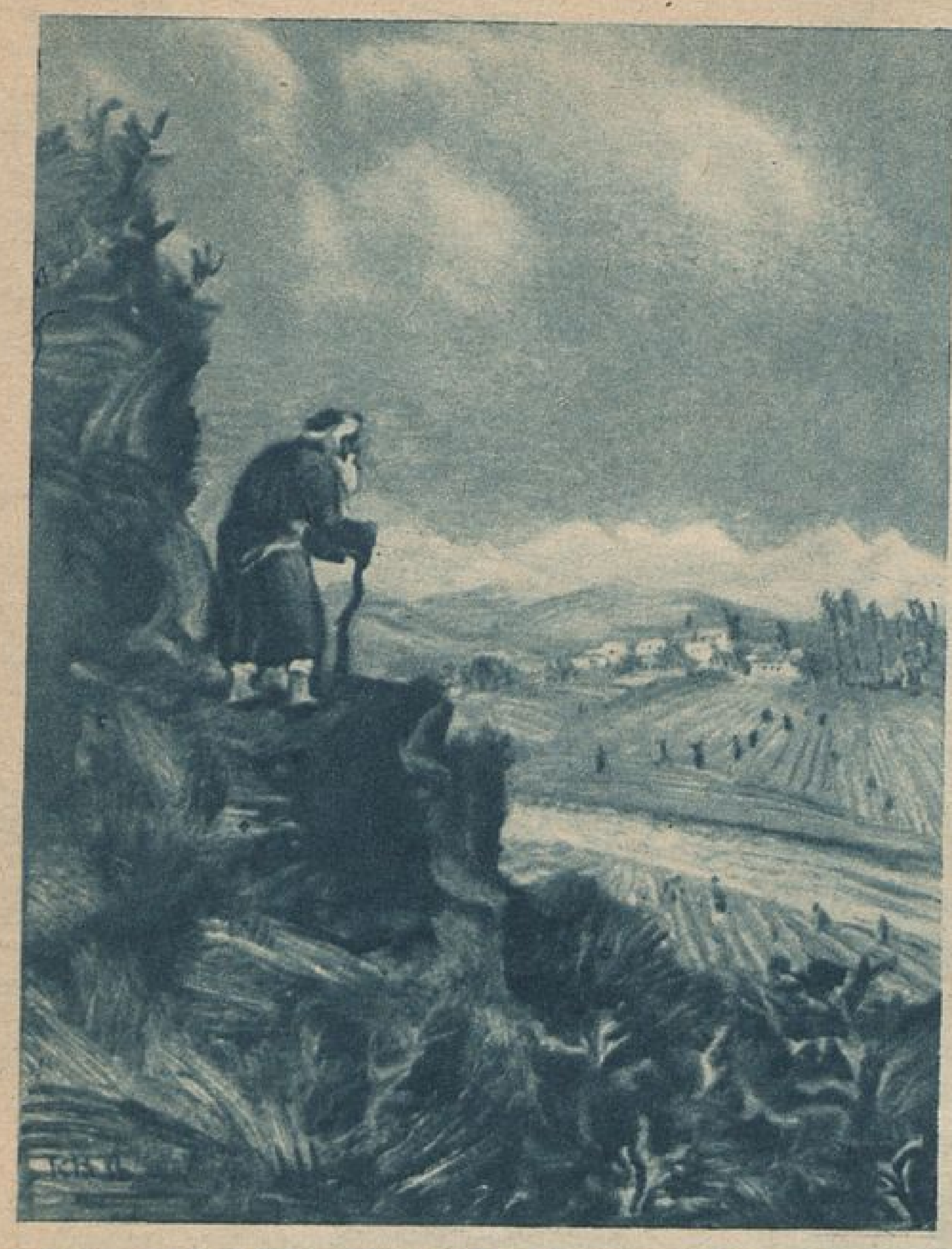
Рахим забыл о людях. Только один раз, через много лет, когда он уже далеко зашел в годах и борода его поседела, он спросил у орла:

— Что делается на земле? Есть ли там еще люди?

— Есть, — ответил орел. — Но они воюют и убивают друг друга.

И Рахим обрадовался: он подумал, что скоро на земле не будет совсем людей.

Прошло еще много лет. И утром однажды Рахима разбудили глухие удары. Скалы

вокруг его пещеры содрогались. Вдруг они с грохотом раскололись на много частей и полетели в пропасть.

Рахим увидел людей — это они взрывали скалы. В гневе вскочил он, готовый бежать в глубь гор. Но вдруг его взгляд упал на долину, которую раньше заслоняли скалы. Там, где раньше желтели мертвые пески пустыни, в голубой долине зеленели сады и поля, подымались белые и голубые города. Все было так, как на чудесном ковре. И Рахим, не помня себя, побежал вниз, чтобы поближе разглядеть свой ковер.

Но, когда он сошел с гор, он подумал: „Это просто почудилось мне; в синем утреннем тумане земля показалась мне ковром".

Но земля была так хороша, так благоухали сады, так зеленели поля, что он пошел дальше.

Вскоре он утомился и захотел пить. И в это время он увидел арык. Это был знакомый ему арык, но он был гораздо глубже и шире.

— Я хочу пить, — сказал Рахим. — Но разве можно пить бедняку из байского арыка? Меня опять посадят в тюрьму.

Но арык заплескался в берегах и сказал:

— Пей, добрый человек! По новому закону моя вода принадлежит всем дехканам, пей, сколько хочешь.

Рахим удивился, но выпил воды и пошел дальше.

Кругом шелестела и колыхалась пшеница. Рахим почувствовал голод.

— Я бы мог взять зерен, — сказал он, — но хозяин опять посадит меня в тюрьму.

И тут пшеница вдруг зашелестела:

— Бери зерна, добрый человек. По новому закону я принадлежу всем дехканам.

Рахим удивился и пошел дальше.

Тут он увидел большое поле и на нем много людей. Земля была черная, жирная, а люди работали, смеялись и пели.

Рахим удивился и сказал:

— Чему они так радуются? Разве сладко работать на байском поле?

И вдруг ему сказало поле:

— По новому закону земля принадлежит всем дехканам, а бая давно уже нет.

Рахим не поверил и спросил у людей:

— Кто хозяин этой земли?

Они сперва не поняли его, а потом сказали:

— Разве ты не знаешь? Мы все хозяева этой земли.

Рахим пошел дальше, полный удивления.

Он вошел в кишлак и увидел новые, разукрашенные паласами дома. Один дом был больше и красивее всех. Рахим подошел ближе и увидел множество детей. Посреди двора лежал голубой ковер, и на нем играли самые маленькие дети. Рахим узнал свой голубой ковер счастья.

Дети рассматривали вытканные на нем города и сады, болтали и смеялись.

Долго стоял Рахим и смотрел на детей. Он вспомнил всю свою жизнь, и маленькую дочку свою, и тяжелую работу у бая. И сам не заметил Рахим, как заплакал.

— Что ты плачешь, старый человек? — спросили у него дети.

— Я плачу от радости, — ответил Рахим. — Что-то случилось со старой землей. Все на ней переменилось. Земля, вода и пшеница принадлежат всем дехканам, а

дети играют на голубом ковре счастья.

И он спросил:

— Кто здесь у вас в кишлаке главный?

Дети повели его по кишлаку прямо к байскому дому.

Рахим вошел, но вместо бая он увидел женщину, которая сидела и разговаривала с дехканами.

Рахим вгляделся в ее черты и вдруг узнал в ней свою пропавшую дочь. И дочь узнала его, обрадовалась и сказала:

— Садись, будь гостем, отец. Я сейчас рассужу этих спорящих дехкан.

Она стала говорить и судить и вскоре примирила обоих спорящих, и они ушли, оба довольные.

Старый Рахим слушал мудрые слова своей дочери и заплакал в этот день во второй раз.

Дочь удивилась и спросила:

— Отчего ты плачешь, отец?

— От гордости, — ответил Рахим. — Кто бы мог подумать, что женщина, дочь бедняка, может быть где-нибудь главной!

— По новому закону, — ответила дочь, — каждый, кому доверяют дехкане, может быть главным.

Тогда Рахим живо вскочил и вскричал:

— Что же это за закон и откуда он взялся?

Дочь ничего не сказала отцу, но взяла его за руку и повела в свой дом.

Она разостлала ковры, поставила кувшины, полные вина, принесла круглый котел с пилавом, и блюда с жареным барашком, и дыни, и виноград, и спелые гранаты. Тут же положила она белые лепешки. Потом дочь Рахима пошла по кишлаку из дома в дом, она звала всех дехкан к себе в гости. Пришли старые и молодые, мужчины и женщины, и дочь Рахима усадила их на ковры вокруг отца. Они ели и пили и приветствовали Рахима. А один из них, знаменитый певец-маддах, ударил по струнам дутары и запел. Он пел о боях за свободу, о жестокой борьбе, о бессмертном Ленине. Рахим слушал и вдруг увидел перед собой страну в дыму и огне, а дочь свою и дехкан своего кишлака и еще много народа — на поле битвы. Они сражались, умирали и побеждали врага. А среди врагов увидел Рахим старого бая. Потом рассеялся дым, погас огонь, и на земле стали работать свободные люди. И Рахим видел, как зазеленели поля, как зацвели сады, выросли голубые города.

— И тогда был дан людям новый закон, — так закончил маддах свою песню.

И тут Рахим заплакал в третий раз в этот день.

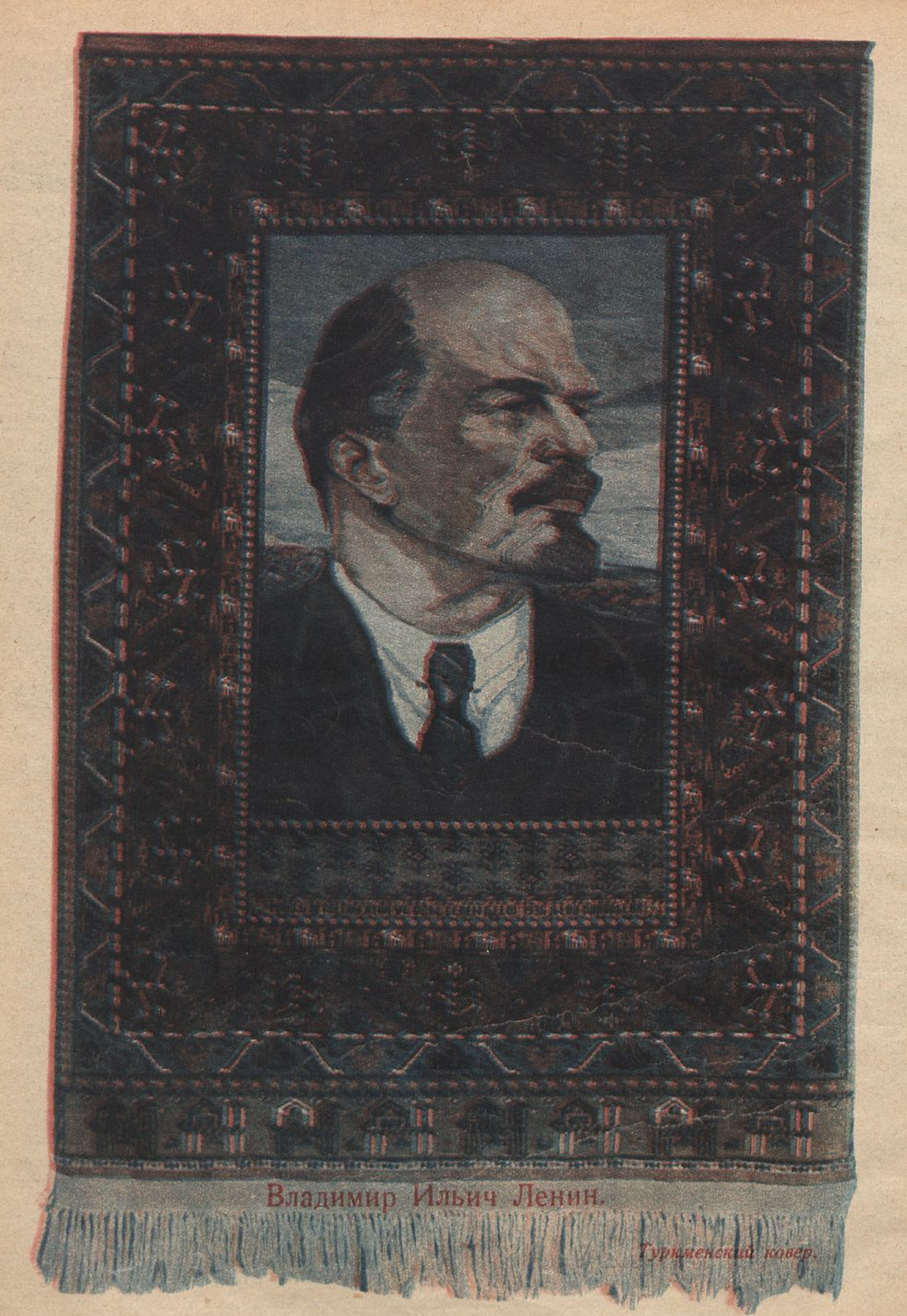
— Почему же ты плачешь? — спросили его дехкане.

— Я плачу, — ответил Рахим, — от стыда, что все эти годы я не был с вами. Но скажите мне, прошу вас: кто же тот великий из великих, что дал людям новый закон на земле?

— Ты прав, отец, — сказала дочь Рахима. — Великий из великих дал людям новый закон на земле.

И имя его — СТАЛИН.

Владимир Ильич Ленин.

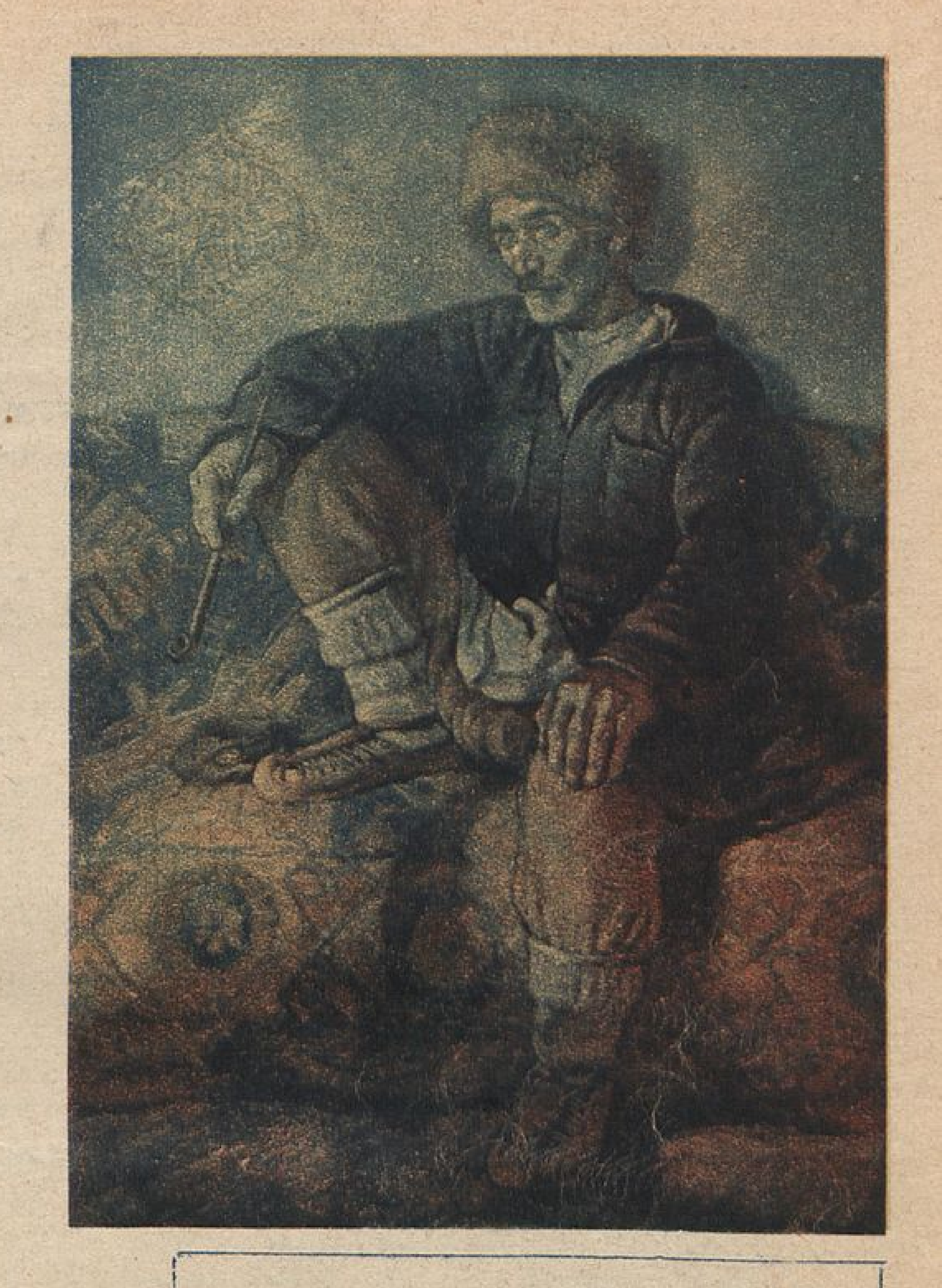
Туркменский ковер.

Ребята

Сулейман Стальский

От Сулеймана вам привет!
Страна цветет для вас, ребята.
В стране для вас встает рассвет,
Для ваших умных глаз, ребята!
Гоните прочь злодейку-лень,
Встречайте песней каждый день,
Чтоб тень от солнца, как олень,
Скакала к вам, резвясь, ребята!
Вам всё открыто, как тетрадь,
Должны вы плавать и летать,
И звездный блеск и моря гладь
Всегда пленяли вас, ребята!
Просторен мир наш и велик,
В нем много счастья, много книг.
Но чтобы каждый все постиг,
Учитесь каждый час, ребята!
Из края в край, весны полна,
Вас воспитавшая страна
Пускай цветет сильна, стройна,
Сверкая, как алмаз, ребята!

Перевод с лезгинского
Эффенди Капиева

Сулейман Стальский — народный поэт, певец Дагестанской АССР.

Детство Сулеймана было тяжелое, трудное. С 14 лет он ушел батрачить, а потом работал чернорабочим на нефтяных промыслах. Всю жизнь он работал на богачей, на хозяев.

Песни Сулейман стал слагать еще в молодости.

Над ним издевались богачи, но быстро стал Сулейман любимым поэтом лезгинской бедноты: в своих песнях он гневно выступал против богачей, против бездушных судей, против попов, обманывающих народ.

Победили большевики, и Сулейман стал певцом новой жизни.

Старик-поэт не знает грамоты, он слагает свои песни устно, но их записывают и издают книгами. Песни Сулеймана поют в лезгинских аулах, их передают по радио и заучивают в школах. Их распевают по всей стране. За свое творчество Сулейман Стальский награжден высшей наградой — орденом Ленина.

ЗАЯЧЬИ ЛАПЫ

К. Паустовский
Худ. К. Кузнецов

К ветеринару в селе Заборье пришел с Урженского озера Ваня Малявин и принес завернутого в рваную ватную куртку маленького теплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слез глазами.

— Ты что, одурел? — крикнул ветеринар. — Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

— А вы не ругайтесь, это заяц особенный, — хриплым шопотом сказал Ваня. — Его дед прислал, велел лечить.

— От чего лечить-то?

— Лапы у него пожженные.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул ладонью в спину и прикрикнул вслед:

— Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком, деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слезы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

— Ты чего, малый? — спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. — Чего вы, сердешные, вдвоем слезы льете? Ай случилось что?

— Пожженный он, дедушкин заяц, — сказал тихо Ваня. — На лесном пожаре лапы себе пожег, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрет.

— Не умреть, малый, — прошамкала Анисья. — Скажи дедушке своему: ежели большая у него охота зайца выходить, пущай несет его в город, к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слезы и пошел лесами домой, на Урженское озеро. Он не шел, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Лесной пожар прошел стороной, на север, около самого озера. Пахло гарью и сухой белой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах. Заяц стонал.

Ваня нашел по дороге пушистые, будто покрытые серебряными волосами, листья заячьей капусты, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья капусты, уткнулся в них головой и затих.

— Ты чего, серый? — тихо спросил Ваня. — Ты бы поел.

Заяц молчал.

— Ты бы поел, — повторил Ваня, и голос его задрожал. — Может, пить хочешь?

Заяц повел рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес — надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков, но в полдень облака эти стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то. Жаркий ураган, суховей, дул уже две недели без передышки, и смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрел в город. Ваня нес зайца сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и вздыхал.

Суховей вздул над городом облако серой пыли, мягкой, как мука. В ней летал пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

— Не то лошадь, не то невеста — шут их разберет! — сказал он с сердцем и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

— Это мне нравится! Своевременный вопрос! Карл Петрович Корш — специалист по детским болезням — уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

— Это мне нравится, — сказал аптекарь. — Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится!

Он нервно снял пенсне, протер его, снова нацепил на нос и уставился на

деда. Дед молчал. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

— Почтовая улица, три! — вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрепанную толстую книгу. — Три!

Дед с Ваней добрели до Почтовой улицы как раз во-время, — из-за Оки заходила тяжелая высокая гроза. Ленивый гром потягивался где-то за горизонтом, как заспанный силач, распрямлял плечи и нехотя встряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрепанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

— Я не ветеринар, — сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. — Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

— Что ребенок, что заяц — все одно, — упрямо бормотал дед. — Все одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь — бросить!

Еще через минуту Карл Петрович — старик с седыми взъерошенными бровями, — волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда.

Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушел на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький город, а на третий день о зайце было напечатано в московской газете.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понес домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский чудак-профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками

на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

„Заяц не продажный, живая душа, пусть живет на воле. При сем остаюсь Ларион Лялин".

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Шумел сухой тростник. Утки зябли и жалобно крякали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар; от него окна в избе сразу запотели, и звезды из огненных точек превратились в мутные радужные шары. Во дворе лаял Шарик. Он прыгал в темноту, лязгал зубами — воевал с непроглядной осенней ночью. Заяц спал в сенях и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далекого и нерешительного рассвета, и дед рассказал мне, наконец, историю о зайце.

В августе дед пошел охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох. Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошел дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идет прямо на него. Ветер перешел в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня. Дед был прав: во время урагана огонь шел со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени. Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, он знал, что звери гораздо лучше человека чуют, откуда идет огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: „Погоди, милый, не беги так шибко!"

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед, оба, упали от усталости. Дед подобрал зайца и понес домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

— Да, — сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, — да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

— Чем же ты провинился?

— А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарем и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял все.

На параде

З. Александрова
Худ. Е. Афанасьева

Целый день сынишка пропадал.
Прибежал, за ним толпа ребят.
— Мама, я сегодня Сталина видал!
Я ходил с отрядом на парад.

Он и в книжке у меня такой,
Он махал нам весело рукой.
Черные большие рупора
Подхватили дружное „ура-а“.

Мы прошли немножко в стороне,
Флаг нести мне дали одному.
Мама, Сталин улыбнулся мне,
А Володька спорит, что ему.

Самолеты в небе высоко
Прилетели к нам издалека,
Встали в буквы быстро и легко.
Сталин —
мы прочли на облаках.

Стихи А. С. Пушкина

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам[1]:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну[2] старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

„Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня".

„Волхвы[3] не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Рисунки худ. В. Васнецова

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего;
Но примешь ты смерть от коня своего".

Олег усмехнулся; однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

„Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время.
Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите".
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

„А где мой товарищ,—промолвил Олег:—
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?"
И внемлют ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Рисунки худ. В. Васнецова

Могучий Олег головою поник
И думает: „Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня".
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видит: на холме, у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: „Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!"
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запенясь шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

[1] Хазары — воинственный полукочевой народ. От их набегов сильно страдала Русь. Олег — полулегендарный князь — вел с ними успешные войны.

[2] Перун — главное божество древних славян, бог грома и молнии.

[3] Волхвы — кудесники — так назывались люди, которые, по народным верованиям, якобы могли творить чудеса и предсказывать события.

Гость

М. Пришвин

Худ. Р. Барто

Прошлой весной гостил я на Кавказе, и меня там принимали с необыкновенным почетом. На Кавказе гость считается лицом самым уважаемым.

„Вот,—подумал я,—жить бы так и жить: ты ничего не делаешь, а за тобой все ухаживают“.

— Неужели,—спросил я одного осетина,—каждого гостя везде на Кавказе принимают с почетом?

— Каждого гостя,—ответил осетин,—на всем Кавказе принимают с большим почетом.

— И сколько времени он так может гостить?

— Три сутки,—ответил осетин,—гость может гостить.

— Разве только трое суток?—удивился я.—А как же быть с гостем, если ему после трех суток захочется еще сколько-нибудь пожить?

— После три сутки гость должен объяснить, зачем он пришел.

— И когда объяснит?..

— Когда объяснит, то, конечно, еще может жить.

— Долго ли?

— Если у хозяина есть время ухаживать, гость может жить, сколько захочется.

— А если времени нет?

— Тогда извини, пожалуйста!

— Так и говорят гостю прямо: „Извини“?..

— Прямо гостю этого нельзя говорить. У всякого хозяина для гостя есть свои слова. Если я не могу за гостем больше ухаживать, то рано утром иду в конюшню и хорошо кормлю коня моего гостя и хорошо его чищу. После того бужу гостя и хорошо его угощаю, ставлю все: шашлык, буза, чихирь, айран. Когда гость бывает сыт, он понимает: никакого нет праздника, а я так его угостил, значит, надо уезжать. Гость встает, благодарит меня и отправляется в конюшню.

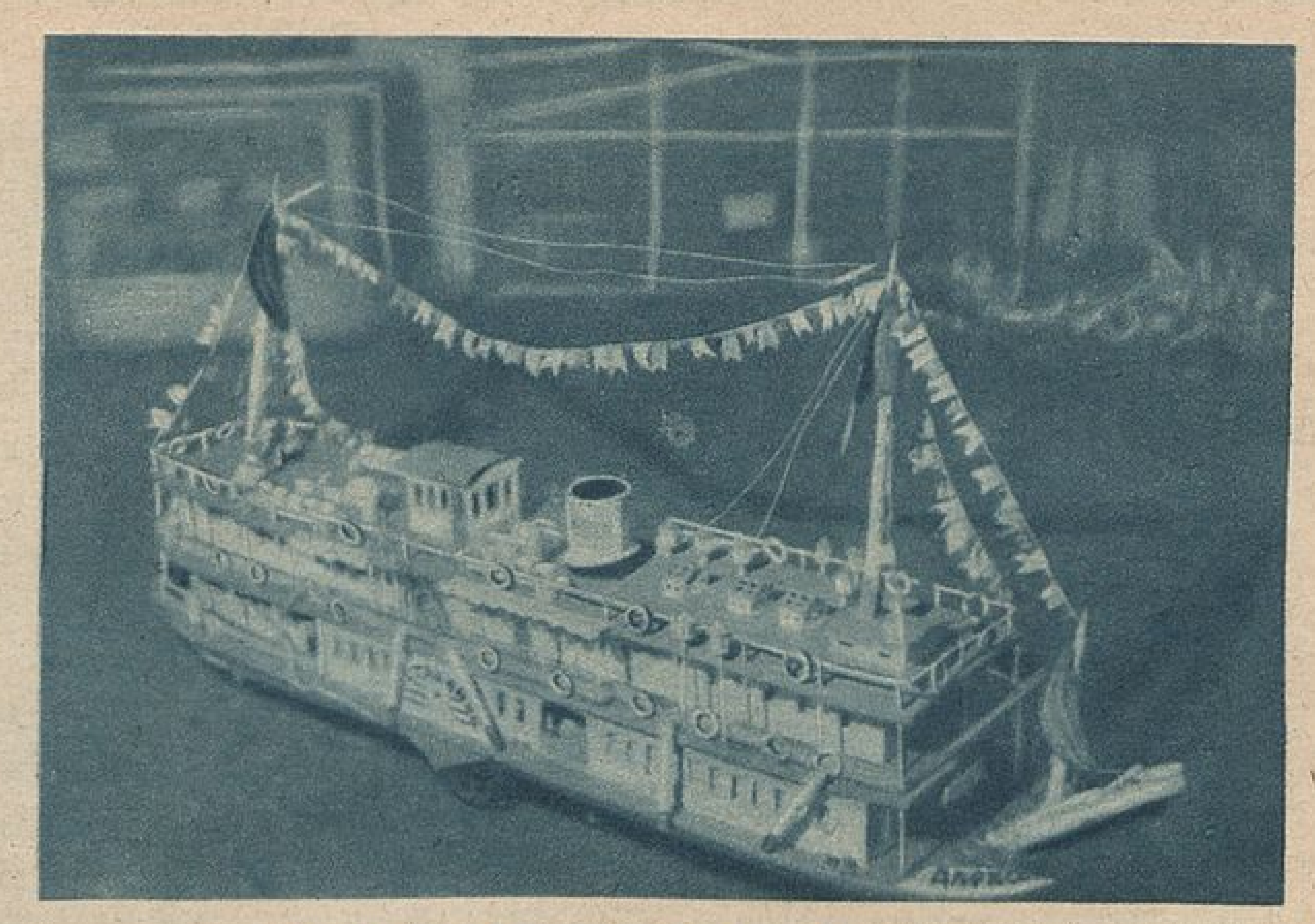
— Хорошо,—сказал я,—если гость поймет, а если он наестся, напьется и опять ляжет спать,—что тогда делать?

— Пускай спит. А когда проснется, я возьму его за руку и поведу в свой сад. Птичка прилетает в мой сад и улетает. Когда птичка прилетает, я показываю на нее гостю и говорю: „Смотри, вот птичка прилетела!“ А когда птичка улетает, я говорю: „Смотри, птичка улетела!“ Сучок после птички качается, гость смотрит, а я говорю: „Птичка знает время, когда ей прилететь и когда улететь, а человек этого часто не знает. Почему человек не знает?“ После этого всякий гость прощается и уходит за конем в конюшню.

Сталин и ребята. Подарок Чрезвычайному VIII Съезду Советов. Скульптура из пластелина Коли Митлянского. Москва.

Пароход „Алексей Стаханов". Подарок Чрезвычайному VIII Съезду Советов. Макет Вали Клюева. Саратов.

За что я люблю товарища Сталина

Рассказ якутского мальчика

— Наша страна Якутия лежит около Северного Ледовитого океана, на реке Лене. Страна наша большая, покрыта лесной тайгой. В якутской тайге много зверей: медведи, горностаи, соболя, россомахи. И очень много белок.

Отцу моему было четыре года, когда умер дедушка от чахотки. Остался отец со своей матерью. А на другой год ослепла на оба глаза мать. Из жалости ослепшую бабушку с детьми кормили родственники. Круглый год давали им похлебку из сыворотки. Туда бросали горсть муки и, чтобы было погуще, сосновой коры.

В нашем наслеге[1] была школа, одна на весь улус[2]. На девяносто километров вокруг другой школы не было. Училось в школе четырнадцать человек.

Школа помещалась в маленькой темной избе. В окнах вместо стекол — лед. Когда темнело, зажигали сальные свечи.

Четыре раза в день собирала учительница учеников, ставила перед деревянной иконой и заставляла читать русские молитвы. А кто плохо молился, того учительница ставила в угол коленями на острый край полена.

[1] Наслег—село.
[2] Улус—район.

За четыре года мой отец только выучил букварь да сорок русских молитв.

Потом нанялся отец к богатому купцу Москвитину „мальчиком". От купца отец ушел к промышленникам-звероловам на острова, за Полярным кругом. Отправляясь туда на собаках, люди привязывали на спину по три гладко выструганных дощечки — на случай смерти — на том свете в гробу будешь. Так верили тогда якуты.

В 1919 году вернулся отец. В это время в Якутске рабочие свергли власть белого генерала Колчака.

Долго еще боролись против советской власти местные кулаки и купцы. Им помогали колчаковские генералы. Когда появилась в Якутии банда генерала Пепеляева, моего отца назначили начальником красного боевого отряда.

Так рассказал мне папа.

Илюша с отцом.

А теперь я расскажу вам, ребята, как живу я. Меня зовут Илья. Мне двенадцать лет. Я пионер. В школу я пошел, когда мне было восемь лет. В нашем улусе шестнадцать школ. Теперь в Якутии учатся все ребята. Школа новая, светлая, в классах и коридорах стоят цветы. Учимся мы на родном языке, по новым якутским учебникам. Больше всего я люблю заниматься русским языком и физкультурой.

Я уже год живу в Москве. Мой папа — студент. Этой зимой он кончает учение, и мы вернемся в Якутию. Мне хочется поскорее встретиться с моими товарищами.

Я расскажу им про мавзолей Ленина, про музей Революции. Я расскажу про метро. Как там под землей ходят трамваи, как там красиво. Расскажу про зоопарк. Мне там больше всего понравились слон и обезьяны. Этим летом я отдыхал в пионерском лагере под Москвой.

Мы часто спорим с мамой, кем я буду, когда вырасту. Мама хочет, чтобы я был врачом; она говорит, что это полезно для нашего народа. А я хочу стать летчиком.

Моя жизнь совсем не похожа на жизнь моего папы и всех якутских детей до революции. Я очень люблю за это товарища Сталина.

Илья Винокуров, 12 лет

Две жизни

Вечером 23 ноября я вернулась домой и сразу заметила, что у нас большая радость. У дверей меня встретила бабушка:

— Твою маму выбрали делегаткой на съезд.

— Если не веришь,— сказал Коля,— посмотри. — И показал красивую красную книжечку.

На ней на 11 языках золотом было написано: „Союз Советских Социалистических Республик. Чрезвычайный VIII Съезд Советов". На билете стоял № 0387 и мамина фамилия — А. А. Гулютина.

Я была рада, что моя мама такая счастливая, что ее выбрали от всех работниц Красной Пресни на такой съезд и что она увидит нашего дорогого Сталина. Я сказала маме, как хорошо было бы стать невидимкой и попасть с ней вместе в кремлевский дворец. А мама мне сказала:

— Когда я была девчонкой, могла ли думать о том, что будет со мной в жизни!..

„Жила я в деревне, — рассказала она,— в Рязанской губернии. В семье у бабушки было 11 человек детей, мал-мала меньше. С горя отец выпивал: семья большая и нехватки большие. Знала я девчонкой одни горшки да пеленки. Младшие с рук не сходили: и Сережка, и Манька, и Олька, и Ванька, и Варька. И вот отдали братишку в печники, а я поступила на текстильную фабрику немцев Цюрихов. Мне тогда исполнилось только 13 лет. На нашей фабрике были ребята еще меньше.

Самые маленькие набирали шпули (это такие картонные патроны). Девочки насаживали их на палки и подавали работницам. Жили мы в фабричных спальнях. Вставать на работу надо было в три часа ночи. Спали мы на нарах, все вповалку. Нары были трехэтажные. Нас, младших, загоняли на самый верх. Как загудит гудок на фабрике, так, словно горох, с нар посыплются девчонки. Один раз моя подруга, Санька Киселева, прямо с нар угодила в кадку с водой. Так, мокрая, и побежала и все девять часов мокрая проработала, потому что опоздаешь,— с фабрики выгонят. Перерыва на фабрике не было. Возьмешь краюшку черного черствого хлеба, помочишь под краном холодной водой и съешь потихоньку: увидит мастер, заругает и к машине больше не допустит. В день зарабатывали мы всего четырнадцать - пятнадцать копеек. Ходила я в материных башмаках и в разных обносках. Попросишь у отца денег на ленточку в косу, а он не дает. „Ты,— говорит,— пойдешь с девчонками, встань сзади всех, никто тебя не увидит". Вот какая была жизнь в детстве".

Мы все слушали про мамину жизнь и плакали, и мама плакала.

А я учусь в новой школе, такой красивой, как дворец; катаюсь на коньках. Вечерами я читаю книги, хожу в театр, в кино, играю с подругами в бильярд.

Моя жизнь ничуть, ничуть не похожа на мамину. Каждый год я провожу лето в лагере. Меня интересует авиация, я хочу быть инженером - конструктором самолетостроения.

Мы с братом и с бабушкой слушали доклад товарища Сталина. Бабушка слушала и плакала. Это ему мы обязаны тем, что не знаем горя и нищеты.

Маруся Гулютина.

Старая и новая Москва. Подарок Чрезвычайному VIII Съезду Советов. Макет Нины Гладковой. Москва.

Лека Журавлев, 8 лет. 7 кл. „Б" 39...

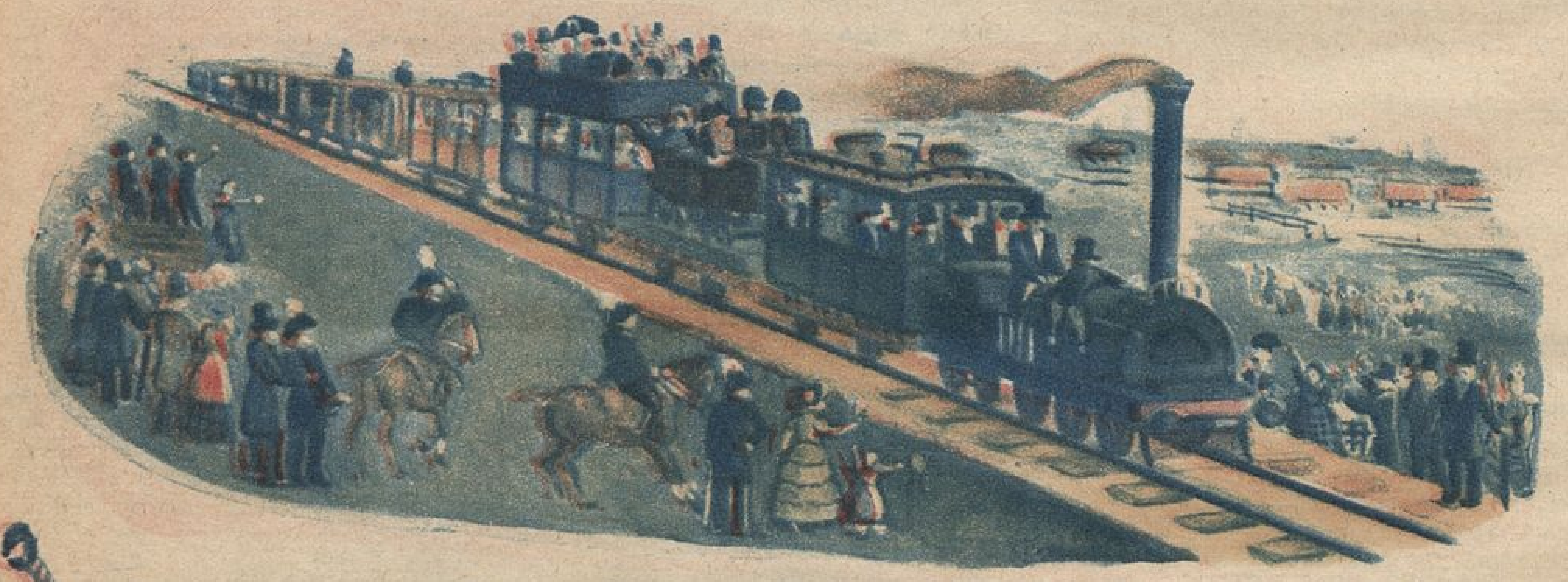
СЛОН

Пошли мы как-то в Зоосад
С товарищем вдвоем.
Прошли мы длинный клеток ряд
Со всяческим зверьем.
Проходим мимо клетки
(Там серый слон стоял).
В него один мальчишка
Комком земли попал.
Но слон стоял спокойно,
Не обернулся слон,
Как будто не заметил
Совсем удара он.
Когда же мы обратно
Домой к себе пошли,
То этого мальчишку
Мы здесь опять нашли.
Он шел домой наверно,
Но, на свою беду,
Был к клетке слишком близко.
И прямо на виду
С него снимает шапку
И разрывает слон.
И, кажется, доволен
Своею местью он.
Под громкий смех мальчонку
Куда-то увели,
Мы тоже посмеялись
И к выходу пошли.

Женя Ильин

До изобретения паровоза тяга была конная, рельсы деревянные. Четыре тележки или кареты привязывали друг к другу. Впереди запрягали лошадей. И ехали по 3 или по 5 километров в час. Длина таких дорог была в 10 или 20 километров. Так было 120 лет назад в Англии, в Америке, в Германии.

Это первый поезд в России. Он пошел 100 лет назад по первой железной дороге в 23 километра длиной, между бывшим Петербургом и Царским Селом. У этого поезда был паровоз „Проворный", построенный по чертежам Георга Стефенсона. Паровоз шел 5—10 километров в час.

Первая в мире железная дорога была построена в Англии раньше, чем в России, на 12 лет.

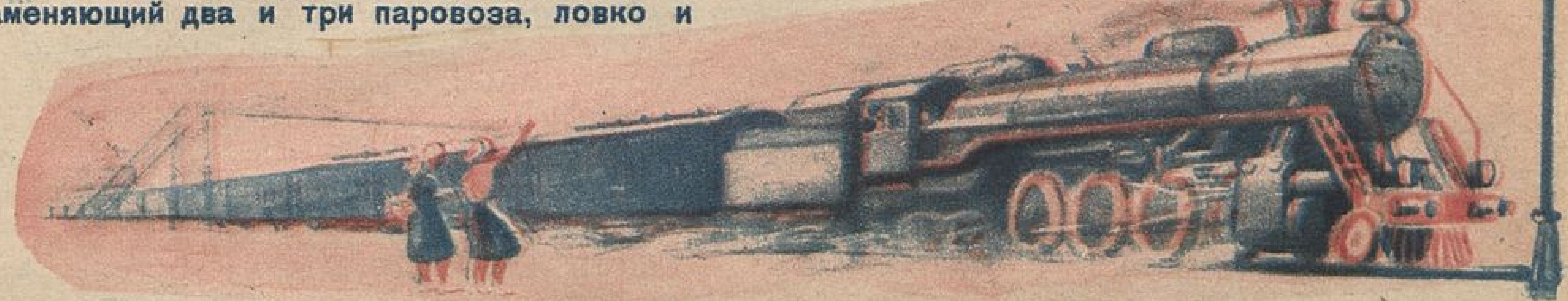
Такими были поезда в России до революции. Впереди товарного поезда идет визгливый паровоз „О", или, как его звали, „Овечка". Он везет 600 тонн груза. И паровоз и вагоны заграничные.

Большинство паровозов и вагонов Россия покупала за границей.

Худ. А. Барщ

В дымчатых, синих горах Закавказья из Тбилиси к берегу Черного моря проходит высокий Сурамский перевал. Здесь уже при советской власти, 7 лет назад, провели одну из первых советских электрических дорог. Могучий электровоз „ВЛ“—„Владимир Ленин“,—заменяющий два и три паровоза, ловко и быстро взбирается на горы Кавказа с длинным грузовым составом. Вместо котла и паровой машины электровозы работают электрическими двигателями. Ток им дает центральная электрическая станция.

Это один из лучших советских экспрессов. Такой поезд плавно пролетает 100 километров в час. Его ведет новый, сильный паровоз „ИС“—„Иосиф Сталин“. Скоро все наши пассажирские поезда по быстроте и удобству будут такими же образцовыми.

Электрический поезд очень похож на сцепленные трамваи. „Электрички“ без дыма мчатся по рельсам около больших городов, по московским тоннелям метро быстрее, чем поезда с паровозами.

На картинке—„ФД“—„Феликс Дзержинский“—наш лучший товарный паровоз. В нем электрический свет, мягкие диваны, зеркала, радио. Им управляет лучший машинист-стахановец Петр Кривонос. Много в СССР новых великанов „ФД“; они перевозят в 20 раз больше груза и в 3 раза быстрее, чем царская „Овечка“.

Другой паровоз „СО“—„Серго Орджоникидзе“—с особым тендером. Он недавно построен. У него после работы пар не выходит в воздух, а на ходу снова превращается в воду в холодильниках своего тендера. Забрав один раз воды, он может бежать 1000 километров. Это наш самый выносливый железный конь.

ИГРЫ, ФОКУСЫ, ЗАГАДКИ

Загадка

СКВОЗЬ БУЛАВКУ

Отрежь у спички головку, проколи спичку через середину английской булавкой, как показано на рисунке.

Держи булавку горизонтально, зажав конец *А* между большим и указательным пальцами левой руки. Указательным пальцем правой оттяни к себе верхний конец спички и сразу отпусти.

Спичка прошла сквозь верхнюю часть булавки. Снова оттяни к себе верхний конец спички — и снова она пройдет сквозь проволоку, не оставляя никакого следа.

Покажи этот фокус товарищам — они глазам своим не поверят: ведь, правда, проходит спичка сквозь проволоку!

Они будут правы, если не поверят своим глазам. Спичка с такой быстротой отскакивает назад от верхней части булавки, что глаза не успевают уловить ее движение.

СЛОН

Ты, наверно, видел в цирке слонов. Они перебрасываются мячами и ловят их на кончик хобота.

Быстрыми, короткими движениями вращай этот рисунок перед глазами. Мяч тотчас же быстро завертится на хоботе у этого жонглера.

Игра в висюльки

Все сидят рядом и старательно укладывают между пальцами спички. Уложить их нелегко. У каждого восемь спичек. Сперва берешь две и зажимаешь их между большим и указательным пальцами, головками к большому пальцу. Потом еще две — головками к большому, а концами к среднему. Точно так же нужно зажать две спички между большим пальцем и безымянным и две — между большим и мизинцем. Все восемь головок уперлись в большой палец.

— Все готовы?

Все сжимают спички. Большой палец у всех обращен к столу. Тут раздается команда:

— Раз! два! три!

И все сразу отпускают большой палец. На пальцах — смешные висюльки. Многие из висюлек уже отпали, а другие еще держатся.

У кого дольше удержится последняя спичка, тот выиграл.

ДОМИНО ИЗ МАРОК

Если ты собираешь марки, у тебя, наверно, есть много лишних. Вырежь 28 кусочков картона в 6 сантиметров длины и $2\frac{1}{2}$ сантиметра ширины. Прежде чем резать картон, оклей его с одной стороны черной бумагой, с другой — белой. На белую сторону картона ты наклеишь марки, чтобы получилось домино, по две марки на каждую косточку. Постарайся выбрать марки одинаковой величины, такие, на которых ясно видны цифры. Тебе понадобятся восемь марок с цифрой 1, восемь марок с цифрой 2 и столько же с цифрами 3, 4, 5, 6. Не важно, что означают эти цифры — копейки, лиры, франки или пенсы: ведь эти цифры теперь — только число очков на косточке. И очки эти должны быть размещены на 28 костях точно так же, как в настоящем домино.

$\frac{0}{0}$ $\frac{3}{0}$ $\frac{3}{1}$ $\frac{3}{2}$ $\frac{3}{3}$

$\frac{1}{0}$ $\frac{1}{1}$ $\frac{4}{0}$ $\frac{4}{1}$ $\frac{4}{2}$ $\frac{4}{3}$ $\frac{4}{4}$

$\frac{2}{0}$ $\frac{2}{1}$ $\frac{2}{2}$ $\frac{5}{0}$ $\frac{5}{1}$ $\frac{5}{2}$ $\frac{5}{3}$ $\frac{5}{4}$ $\frac{5}{5}$ $\frac{6}{0}$ $\frac{6}{1}$ $\frac{6}{2}$ $\frac{6}{3}$ $\frac{6}{4}$ $\frac{6}{5}$ $\frac{6}{6}$

Читаи книги

В маленьком итальянском городке, на берегу Средиземного моря, жил столяр Джузеппе, по прозвищу Сизый Нос.

Однажды ему попалось под руку полено, обыкновенное полено для топки очага в зимнее время.

Джузеппе решил сделать из него ножку для стола.

Но только он начал ать, чей-то тоненький голосок пропищал:

- Ой-ой! Потише, пожалуйста!

огда же Джузеппе взял рубанок и повел вую стружку, тоненький голосок отчаян-запищал:

- Ой-ой! Слушайте, чего вы щиплетесь?

жузеппе уронил рубанок и попятился: догадался, что тоненький голосок шел утри полена.

это время к нему зашел его старинный ятель, шарманщик по имени Карло. Он уже стар и болен, и шарманка его но сломалась.

— Возьми-ка ты это полено, Карло, — сказал Джузеппе, — вырежь из него ножиком куклу, научи ее говорить всякие смешные слова, петь и танцовать, да и носи по дворам. Заработаешь на кусок хлеба и на стаканчик вина.

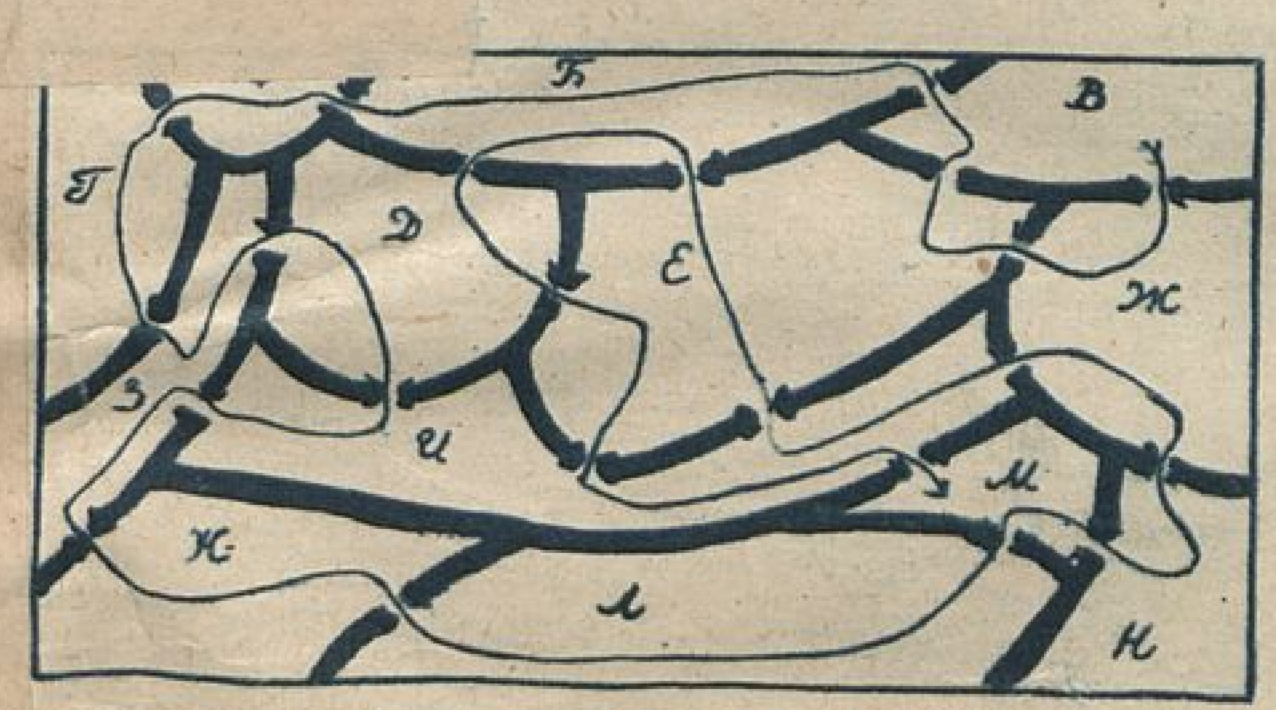
Так появился на свет веселый проказник с длинным любопытным носом, деревянный мальчик по имени Буратино.

С этой минуты начались в жизни Буратино удивительные приключения. У него появились друзья: прекрасная девочка Мальвина, у которой были голубые волосы, милый поэт Пьеро, преданный и отважный пудель Артемон. Появились у Буратино и заклятые враги: свирепый Карабас Барабас, кот Базилио и лиса Алиса.

От старой черепахи Тортилы Буратино узнал тайну золотого ключика.

О том, как попал Буратино в страну дураков, как на него напали разбойники, о том, что нашлось за потайной дверью в домике папы Карло, узнаешь ты из книги писателя Алексея Толстого „Золотой ключик" или „Приключения Буратино". Детиздат ЦК ВЛКСМ, Ленинградское отделение, 1936 г. Цена 4 р. 50 к.

ОТГАДКИ НА ЗАГАДКИ И ГОЛОВОЛОМКИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В „МУРЗИЛКЕ" № 10 в 1936 г.

Вот путь по которому прошел Коля

Ребята с лодки залезли на деревья

ГАДКА НА ЗАГАДКУ В № 10 МУРЗИЛКИ

ВОЛНЫ

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.
тственный редактор Н. Венгров.
Оформление Веретенникова В.
в набор 13/XII 1936 г. Подписано к печати 19/I 1937 г. Объем 3,5 печ. л. Ст.-форм. 62 × 94¼ листа.
ом. Главлита Б-6310. Заказ № 2112. Детиздат № 1062. Тираж 260 000.
Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

С портрета художника В. А. Тропинина *Государственная Третьяковская Галлерея*

Александр Сергеевич Пушкин

(1799—1837)

Помощница

У Танюши дел немало,
У Танюши много дел:
Брату утром помогала —
Он с утра конфеты ел;
Обещала вымыть ложки,
Разлила соседу клей;
Отворила двери кошке,
Помогла мяукать ей.
Вот у Тани сколько дела:
Таня ела, чай пила,
Села, с мамой посидела,
Встала, к бабушке пошла.
Перед сном сказала маме:
— Вы меня разденьте сами:
Я устала, не могу,
Я вам завтра помогу.

А. Барто